

Нежной памяти Роберта Х.
Навеки твоя «младшая сестренка»

Когда снял Он вторую печать, услышал я второе
животное, говорящее: иди и смотри.

И вышел другой конь, рыжий; и всаднику его да-
ровано было уничтожить мир на земле, развязать
битву между людьми; и дан был ему огромный меч.

Откровение Иоанна Богослова. 6:3-4

«Убить их всех!» — вскричал,
с цепи собак войны спуская;
Чтоб злодеяньем сем заволокло весь свет,
Укрыв его смердящей плотью тел,
Молящих о покое.

Уильям Шекспир*

* Перевод И. Б. Мандельштама.

Глава 1

Всадники. Год Тринадцатый

Иерусалим, Новая Палестина

Новый день начинается, как и большинство предыдущих. С кошмара.

Взрыв гремит в ушах, ударная волна сбивает с ног, я падаю в воду.

Тьма. Пустота. А затем...

Я судорожно хватаю ртом воздух. Повсюду вода и огонь, и... и... боже, эта боль — только боль, боль, боль. От ее острых укусов перехватывает дыхание.

— Мама! Мама, мамочка!

Я ее не вижу. Никого не вижу.

— Мам!

Небо нависает над головой, я кашляю от дыма. Ремень сумки обвился вокруг лодыжки и тянет меня все ниже.

Нет! Я брыкаюсь, стараюсь выбраться на поверхность, но все напрасно — цель только отдаляется.

Легкие пылают. Солнечный свет тускнеет, как бы сильно я не сопротивлялась.

Открываю рот, чтобы позвать на помощь.

И захлебываюсь водой...

Со вздохом я сажусь на кровати.

На стене мерно тикают часы, маятник раскачивается — вперед-назад, вперед-назад.

Пытаясь перевести дыхание, касаюсь пальцами шрама у основания шеи. Простыни сбились, опутали лодыжки. Я выбираюсь из них и сползаю с постели. Прихватив коробок спичек, зажигаю масляную лампу. Вспыхнувший огонек на мгновение выхватывает нашу семейную фотографию, но я тут же поднимаю руку выше, освещая часы.

3:18 утра.

Ох... Растираю лицо ладонями, ставлю лампу на верстак, отодвигая то, чем он завален: перья, стеклянные наконечники, кусочки пластика.

С тоской смотрю на кровать. Увы, заснуть уже не получится, а значит, вариантов два: взяться за последний заказ, либо отправиться на охоту. Бросаю взгляд на стену, где, едва различимые в темноте, висят несколько моих последних работ: просмоленные луки и расписные стрелы.

Шикарное оружие ручной работы теперь продается за копейки.

В комнате слишком темно, не рассмотреть висящие на той же стене фотографии, но я ощущаю, как в горле встает ком.

Пока недавний кошмар еще свеж, мне не хочется оставаться наедине с воспоминаниями, наполняющими эту квартиру.

Решено — вперед, за добычей!

Под подошвами ботинок хрустит гравий. Я петляю по улицам Иерусалима, вооружившись верным луком, колчаном со стрелами и холщовой сумкой, в которую складываю находки. На бедре висит кинжал, а в сумке лежит небольшой топорик.

Прохожу мимо пустой мечети; когда я вернусь, она будет полна народа. В конце улицы — синагога, темная и зловещая, с заколоченными провалами окон. Некогда величественное здание сейчас выглядит смиренно, словно не его стены прежде гордо возносились к небу. Улицы пусты, лишь изредка попадаются палестинские патрули. Меня они не трогают, но провожают долгими мрачными взглядами.

Когда-то все было иначе. Я смутно помню детство, но оно было счастливым. В те дни мне не о чем было беспокоиться, а это почти равнозначно счастью. Теперь же тревоги камнем давят на плечи. И даже недавний кошмар кажется более реальным, чем та, прошлая жизнь. Я оглядываюсь, нащупывая на запястье браслет с амулетом-хамсой*. Стоит лишь не-

* Хамса — ближневосточный защитный амулет в форме открытой ладони с пятью пальцами. Мусульмане также называют этот символ «рука Фатимы», а иудеи — «рука Мириам».

много расслабиться, почувствовать себя чуть спокойнее, как кто-нибудь нападет.

Да, когда-то все было иначе, но, вот она, моя реальность. С тех самых пор, как на землю ступили Всадники. Перед глазами вновь проносится первый день их Пришествия, словно он был только вчера.

Я в четвертом классе. Лампочки на потолке одна за другой вспыхивают и взрываются, в ушах звенит от криков одноклассников. Мне не повезло — я сидела у самого окна и видела, как машины, чьи двигатели замерли в одну секунду, врезались во все — во всех, — что оказывалось у них на пути.

Я видела, как машина сбила женщину, видела ее широко распахнутые глаза за секунду до столкновения. Иногда, вспоминая это, вместо незнакомой женщины я вижу своего отца. Интересно, с ним было так же? Я не видела его изуродованное тело, только слышала, что его сбил автобус.

Люди говорят, что жизнь изменилась в один миг, и я с ними согласна. Рождение, смерть и четверо странных мужчин, явившихся на землю, чтобы уничтожить мир, — вот составляющие этих перемен.

Но самые коварные изменения происходят постепенно. Первый день закончился, начался второй, и оказалось, что нужно выживать в мире, где машины больше не ездят, телефоны не звонят, компьютеры не работают, и множество людей погибли в одночасье. Но со временем мы привыкли к этой ужасной жизни. Так я прожила большую часть своих двадцати двух лет.

Я направляюсь в западный конец города. Прохожу мимо голубятни, где в этот ранний час тоже тихо. Раньше новости можно было узнавать мгновенно. Теперь же самый быстрый способ отправки сообщений — почтовые голуби, и нет никаких гарантий, что письмо доберется до адресата с первой попытки... И вообще доберется.

Уже целый месяц по ночам очень тихо. Здесь никогда не было особенно шумно, но эта тишина *другая*. В безветренном воздухе ощущается тревога.

Наверное, это всего лишь слухи... Однако с востока к нам приходят странные истории, похожие на страшилки, которые рассказывают у костра темной ночью. Истории о том, как вымирают целые города. Об улицах, усеянных костями, и о кладбищах, земля на которых изрыта свежими могилами. И посреди руин и хаоса с мечом в руке, верхом на кроваво-красном жеребце, едет Война.

Не знаю, насколько эти рассказы правдивы — теперь слишком многому приходится верить на слово, — но в последнее время жители Иерусалима подавлены больше обычного. Некоторые покидают город... Я бы тоже уехала, если бы у меня были деньги, чтобы добраться туда, куда я хочу. Но увы, денег нет, и я остаюсь.

Я приближаюсь к Иудейским горам, которые окружают город, и вдруг слышу эхо шагов за спиной. Возможно, это кто-то из Братства мусульман... Или палестинские полицейские. Или такой же *призрак*, как я. Или проститутка, которая ищет клиента.

Скорее всего, ничего серьезного. И все же я мысленно повторяю пункты из кодекса выживания. «Руководство по выживанию в этом гребаном мире» составила я, Мириам Альмахди». Итак:

1. Не нарушай правила, а обходи их.
2. Всегда говори правду.
3. Не привлекай внимания.
4. Прислушивайся к своим инстинктам.
5. Будь храброй.

Пять простых правил, которые — даже если соблюдать их не всегда было легко — помогали мне оставаться в живых последние семь лет.

Прибавляю шаг, в надежде оторваться от того, кто идет за мной. Шаги за спиной тоже становятся быстрее. Я вздыхаю. Сняв с плеча лук, достаю из колчана стрелу, натягиваю тетиву и, резко обернувшись, целюсь в темную фигуру.

— Стой, где стоишь! — приказываю я.

Темный силуэт замирает метрах в десяти от меня. Поднимает руки, делает небольшой шаг вперед.

— Я просто хотел узнать, что такая девушка делает на улице одна в столь поздний час! — выкрикивает мужчина.

Варианты с проституткой и полицией можно вычеркивать. Он либо из Братства, либо из какой-нибудь местной банды. Или обычный горожанин, который ищет женской ласки за деньги. И, конечно, он может

оказаться *призраком*, как и я, и хочет отобрать мою добычу.

— Я не проститутка, — предупреждаю его.

— Я этого и не думал.

Еще один вариант отпадает.

— Если ты из Братства, — продолжаю я, — имей в виду: я уже внесла плату за этот месяц.

Плату за возможность спокойно передвигаться по городу.

— Я не из Братства, — отвечает мужчина.

Призрак?

Он делает шаг ко мне, затем еще один. Снова натягиваю тетиву, лук поскрипывает от натуги.

— Я не причиню тебе вреда, — говорит мужчина так тепло, что хочется ему поверить. Но я давно верю не словам, а делам.

Значит, он преступник. Люди заговаривают тебе зубы, только если им что-то нужно. Что бы ему ни понадобилось, уверена, мне это не понравится.

— Сделаешь еще шаг, и я выстрелю, — говорю я.

Мы замираем друг напротив друга. Незнакомец стоит в тени, между пятнами газовых фонарей. Я почти не вижу его, но, кажется, он собирается уйти. Мудрое решение.

Однако шаги возобновляются — один, второй, третий...

На мгновение закрываю глаза. День начинается из рук вон плохо!

Мужчина идет быстрее; наверное думает, что я не выстрелю. Он же не знает, что для меня в этом нет ничего нового.

Прости.

Я отпускаю тетиву.

В темноте я не вижу, куда попала стрела, но слышу сдавленный вздох и звук, с каким падает тело. Несколько секунд стою, не шевелясь. Потом медленно отпускаю лук и подхожу ближе, готовая в любой момент выхватит ькинжал.

Стрела вонзилась в горло, по земле растекается кровь. Мужчина тяжело дышит, хрипит, судорожно сжимает стрелу пальцами. Я вглядываюсь в его лицо. Как и следовало ожидать, он мне не знаком. Вот и хо-рошо.

Замечаю сумку незнакомца и, присев на корточки, начинаю в ней рыться. Веревка, лом, нож... Набор убийцы-новичка. Мне становится не по себе. У большинства плохих поступков есть причины — жадность, власть, похоть, чувство, стремление сохранить свою жизнь, но столкнуться с человеком, который хочет причинить тебе боль не ради высокой цели, а просто ради удовольствия, неприятно.

Незнакомец дышит все реже, потом затихает. Его грудь перестает вздыматься. Убедившись, что он умер, вытаскиваю стрелу из тела, вытираю о его штаны и убираю обратно в колчан. Никто не станет выяснять, что тут произошло. Никто не будет наказан. А к обеду, когда солнце поднимется высоко, тела

уже здесь не будет — его уберут, и город вскоре обо всем забудет.

В последний раз взглянув на мужчину, вновь касаюсь пальцами браслета с амулетом и продолжаю путь.

Иду к холмам на западе, стараясь не думать об убитом и о том, чего он хотел. И еще о том, как я, не дрогнув, спустила тетиву. Потираю лоб, провожу рукой по губам. Я начинаю все проще относиться к смерти, и это настораживает.

Холмы плавно перетекают в горы, и я сворачиваю с дороги в небольшой лесок. Солнце поднимается все выше, темно-синее небо становится пепельно-серым. Выше на склоне холма стоит заброшенный недостроенный дом.

Я направляюсь к нему. Остовы домов, нагромождения блоков и арматуры стали привычным зрелищем, но мне нужно не здание, а деревья, окружающие его. Подойдя к сосне, достаю из сумки топорик и начинаю рубить толстую ветку. Из этой древесины получают лучшие луки и стрелы.

Проходит четверть часа, и вдруг мне кажется, что я что-то слышу. Замираю, повернувшись к дороге, прислушиваюсь. Холмы, покрытые деревьями, окутывает тишина... Секундочку! Вот, снова... Едва слышно. Не понимаю, что это, но звук ровный и размеренный. Может быть, одинокий путник? Бросившись к дому,

тихо проскальзываю внутрь. Не хочется второй раз за ночь нарываться на неприятности.

Пол покрыт грязью, засыпан сухими листьями. Я замечаю несколько окурков. Судя по всему, этот дом начали строить уже после Пришествия — на стенах нет ни розеток, ни тонких водопроводных труб. Когда на землю явились Всадники, о подобной роскоши пришлось забыть, и как бы мы ни пытались, восстановить ничего не удалось.

Стараясь держаться в тени, пробираюсь к пустому оконному проему. Чувствую себя трусихой, которая прячется из-за любого шороха, но я считаю, что лучше быть трусом, чем трупом.

Через некоторое время звук становится громче, теперь он слышен отчетливо.

Цок. Цок. Цок.

Кто-то едет верхом.

Осторожно выглядываю из окна. Небо окрашивается розовым, растущие вокруг дома деревья и кусты частично заслоняют от меня дорогу, и путешественника пока не видно. Но когда его удастся разглядеть... Я ахаю.

На кроваво-красном жеребце скачет не человек, а настоящий монстр. За спиной у него тяжелый меч, в темных волосах поблескивают золотые монеты, глаза густо подведены черным. Из-за высоких скул и хмурого выражения лица он кажется бесчувственным, будто закаменевшим.

В первое мгновение мозг просто отказывается воспринимать увиденное. Потому что все это не-

правильно! Не бывает у лошадей такой алой шерсти, не может человек быть таким огромным, даже сидя верхом. Впрочем, если слухи не врут, кое-кто все-таки может...

Меня бьет дрожь.

Нет!

Господи, нет.

Ведь, если слухи о его внешности правдивы, значит, мужчина, на которого я смотрю... Война?

Легкие сдавливает от одной мысли.

Если слухи не лгут... Иерусалиму конец!

С губ срывается вздох, и Война — если это, конечно, он — поворачивается в мою сторону. Я отшатываюсь от окна. Боже мой, боже мой, боже мой! Это же Всадник Апокалипсиса! Всего в двадцати метрах от меня.

Стук копыт стихает, а затем внезапно раздается в стороне от главной дороги. Слышу, как мерное *цок-цок-цок* приближается ко мне.

Зажимаю рот рукой, стараюсь не дышать и крепко зажмуриваюсь. Слышу хруст сухих веток под копытами, громкое фырканье коня.

Не знаю, насколько близко успел оказаться Всадник, прежде чем остановился. Кажется, он замер у самой стены, и если я поднимусь и высуну руку из окна, то смогу погладить его алого жеребца. От этой мысли волосы на руках встают дыбом.

Я жду, когда Всадник спешится. Неужели, это действительно Война?

А почему нет? Иерусалим на протяжении столетий был центром нескольких религий. Неплохое место для конца света — есть даже предсказание, что в Судный день он начнется именно здесь. Так что удивляться нечего. И все же я потрясена...

Проходит несколько мучительно долгих минут, и шаги жеребца Войны — черт, кажется, я все же признаю, что это Война — начинают удаляться. Жду, пока Всадник отъедет подальше, и только тогда позволяю себе всхлипнуть. От пережитого страха по щеке стекает слеза.

Боже мой!

Не двигаюсь. Нельзя, Война еще слишком близко.

Но стоит мне подумать, что он наконец-то уехал, вновь раздается стук копыт. Множества копыт.

Кто может следовать за Всадником?

Звук усиливается, становится громоподобным.

Я вновь выглядываю из оконного проема. От увиденного дыхание вновь перехватывает: узкую дорогу заполнили сотни конных воинов, вооруженных луками, мечами, саблями...

Сердце колотится все быстрее, но я стою неподвижно и боюсь даже вздохнуть. Я жду, когда они проедут, но поток все не иссякает — за всадниками следуют пехотинцы, следом катятся повозки. Чем дальше я смотрю, тем понятней становится: их не сотни — тысячи. И все они следуют за Войной.

Всадник Апокалипсиса не просто почтил своим визитом Иерусалим.

Он решил захватить город.

Глава 2

Жду, когда последний воин пройдет мимо, и только тогда выбираюсь из укрытия. На ватных ногах выхожу из развалин. Я просто не представляю, что делать дальше, ведь я не святая и не герой.

Смотрю на дорогу, убегающую на запад, — туда, откуда пришли всадники. Заманчивый вариант... Затем бросаю взгляд обратно — в ту сторону, где город. Туда, куда устремилась армия Войны. Туда, где мой дом.

«Беги, — звучит в голове голос матери, — уходи и никогда не возвращайся. Спасайся».

И я бросаюсь к дороге. Окидываю взглядом оба пути — на запад, прочь от города, и на восток, назад в Иерусалим. Потираю лоб. Что же мне делать?

Мысленно вновь повторяю руководство по выживанию: «Не нарушай правила, а обходи их. Говори правду. Не привлекай внимания. Прислушивайся к своим инстинктам. Будь храброй».

Всегда будь храброй.

Но руководство учит, как выжить. Не нужно быть гением, чтобы понять: дорога на запад увеличит мои

шансы на спасение, а на восток — наоборот. Тут даже думать нечего, нужно идти на запад.

Однако стоит ступить на дорогу, и ноги отказываются идти прочь. Я направляюсь к Иерусалиму. Туда, где ждет дом и целая армия всадников. Что это? Глупость или нездоровое любопытство?

Или, может быть, даже приближение конца света не выжгло из моей души бескорыстие и самоотверженность?

Но я не святая, нет.

Когда я, наконец, добираюсь до города, улицы уже залиты кровью.

Зажимаю нос рукой, пытаюсь заглушить тошнотворный запах, пропитавший все вокруг. Окровавленные тела валяются прямо на дороге, приходится их обходить. Большинство зданий объаты огнем, повсюду клубится дым, оседает пепел.

Где-то вдалеке слышатся крики, но в этой части города, там, где я сейчас, живых больше нет. Тишина оглушает.

До того, как Новая Палестина стала «Новой Палестиной», вооруженные силы Израиля призвали большую часть населения. Когда гражданская война закончилась, в нашей стране отменили обязательную службу в армии, однако, многие молодые люди все же учились владеть оружием. Но я окидываю взглядом улицы и понимаю: все было напрасно. Сколько бы

эти люди ни учились, как бы много ни знали, их все равно настигла смерть.

О чем я только думала, зачем вернулась?

Крепче перехватываю лук, достаю стрелу и вкладываю в тетиву.

Какого черта я вообще беспокоюсь об этих людях? После того, что мусульмане сделали с иудеями, а те — с мусульманами, и того, что они вместе сделали с христианами, друзьями и представителями других мелких религий, нужно было оставить все, как есть. И радоваться, что город сгорит дотла.

«У всех религий одна цель — спасение, — слышу я слова отца, отголосок прошлого. — Все мы похожи».

Иду все быстрее, держа лук наготове. Город разрушен. Чем дальше, тем больше зданий охвачено огнем, тем больше мертвых тел я вижу. Я вернулась слишком поздно. Слишком поздно для этого города и его жителей.

Пройдя еще несколько кварталов, начинаю замечать на улицах живых людей. Они бегут. Бежит женщина с сыном на руках. За ней мчится всадник.

Не успев даже подумать, я скидываю лук и выпускаю стрелу.

Она попадает всаднику в грудь, сбрасывает его с лошади.

Оглядываюсь и успеваю увидеть, что женщина с ребенком скрылись в здании.

Что ж, они теперь в относительной безопасности. Но вокруг полно других людей, которые сражаются за свою жизнь. Выхватить еще одну стрелу, натя-

нуть тетиву, отпустить ее. Снова и снова. Некоторые стрелы не достигают цели, но я рада, что убила хотя бы нескольких захватчиков.

Дальше приходится двигаться осторожно. Люди высовываются из окон, швыряют в армию захватчиков все, что попадается под руку. Не сбавляя шаг, краем глаза замечаю, как с балкона сталкивают мужчину. Он падает на горящий навес, я слышу его предсмертные крики.

В какой-то момент солдаты Войны вдруг замечают меня и понимают, что я представляю опасность. Один из них, сидя верхом на лошади, целится в меня из лука, но промахивается. *Схватить стрелу, натянуть тетиву, отпустить ее.* Я попадаю ему в плечо. *Схватить стрелу, натянуть тетиву, отпустить ее.* Моя стрела вонзается ему в глаз.

Нужно больше стрел. И другого оружия.

Я устремляюсь к своей квартире, которая находится всего в паре кварталов отсюда, и шепотом молюсь, чтобы мне хватило стрел. Конечно, есть еще кинжал, но с ним не выстоять против противника, который крупнее меня, а они все такие.

Дорога до дома занимает примерно полчаса. Я живу в старом заброшенном здании — впрочем, его никто не собирается сносить. Дом пострадал во время сражения несколько лет назад, и большинство жильцов его покинуло. Но не я. Можете считать меня сентиментальной, но я выросла в этих стенах.

Добравшись до дома, вижу, что главный вход охвачен огнем. Черт, почему я об этом не подумала? Окидываю дом взглядом: он каменный, и, если не считать входа, выглядит нормально. Я прикусываю губу и, собравшись с духом, ныряю внутрь. Три секунды спустя навес над входом обрушивается и отрезает дорогу назад. Вот черт! Теперь придется либо выпрыгивать в окно, либо надеяться, что древняя пожарная лестница подо мной не обвалится.

Кашляя от дыма, бросаюсь вверх по лестнице к своей квартире. Дверь в нее приоткрыта. Черт! Видимо, не только меня посетила идея пополнить запас стрел. Многие знали, что я делаю оружие.

Я вхожу, в квартире полный разгром. Мой рабочий стол перевернут. Почти все оружие, аккуратно разложенное на полках, успели растащить: ножи и клинки, кинжалы, луки с колчанами, булавы и стрелы.

Не останавливаясь, чтобы осмотреть то, что осталось, бросаюсь в комнату и поднимаю матрас. Под ним — несколько десятков стрел и кинжал. Швырнув сумку на пол, сгребаю стрелы и набиваю колчан. Затем хватаю ножны с кинжалом и торопливо закрепляю на теле.

Вооружившись, направляюсь вниз. Ногой выбиваю дверь в одну из пустующих квартир и вхожу. Окна здесь еще целы, приходится выбить стекло стулом. Убрав из проема осколки, выскальзываю на улицу и вновь устремляюсь в гущу сражения.

Войну я замечаю у самой границы Старого города*.

Да, это действительно он. Впервые столкнувшись с Всадником, я не поверила своим глазам, но теперь, когда Война с ног до головы в крови жертв, а его черные как оникс глаза горят, становится ясно — это он, и никто иной.

Всадник стоит посреди дороги, его конь роет землю копытом. Ужасное создание, точь-в-точь такое, как о нем говорят. Война с видимым удовольствием смотрит на побоище.

Я беру стрелу и целюсь во Всадника. В грудь. Иначе можно промахнуться.

Война резко поворачивает голову в мою сторону, словно ветер нашептал ему о моих планах.

Черт.

Его взгляд сканирует оружие в моих руках, затем поднимается к лицу. Война пришпоривает коня. Я выпускаю стрелу, но она пролетает мимо. Перекинув лук через плечо, я бросаюсь прочь, за спиной громяют стрелы в колчане. Оглядываюсь. Война подгоняет коня, суровый взгляд Всадника прикован ко мне. Я срезаю путь через развалины, — еще недавно это было крепкое здание, — и устремляюсь в Старый город.

Только бы не вывихнуть лодыжку. Пожалуйста, только не это.

Слышу позади стук копыт и почти физически ощущаю, как злобный взгляд Всадника сверлит мою

* Старый город — обнесенный стенами район на территории современного Иерусалима.

спину. Вокруг не меньше десятка других людей, они сражаются, бегут, но Война словно не замечает их. Он смотрит только на меня.

Черт!

Пожалуй, это даже логично: встретить Всадника в подобном месте, в городе, который был свидетелем многих раздоров и войн. В Иерусалиме каждый клочок земли пропитан кровью.

Стук копыт становится громче, ближе, но я не решаюсь оглянуться.

Обычно в Старом городе можно встретить хотя бы пару человек, но сегодня его улицы кажутся совершенно пустыми. Почему я решила скрыться именно здесь? Господь не спасет меня. Нет, только не от этого монстра.

Сворачиваю налево, передо мной Стена Плача. Бегу вдоль нее, не сводя взгляда с Купола Скалы*. Если мне суждено когда-либо поверить в божественное спасение, то время пришло.

Прорываюсь вперед, отталкиваясь руками и ногами, петляю из стороны в сторону, чтобы Всадник не смог достать меня. Мечеть так близко, можно рассмотреть мельчайшие узоры на ее стенах, но... двери закрыты.

О нет!

Я все равно продолжаю бежать. Возможно, вход не заперт. Возможно...

* Купол Скалы — мусульманское святилище на Храмовой горе в Иерусалиме.

Преодолеваю последние несколько метров, хватаюсь за ручку.

Заперто.

Хочется кричать. Мысленным взором я вижу Камень Основания*, вижу небольшое отверстие, которое ведет к Колодцу душ под ним. Если в мире и существует место, святость которого должен уважать даже Всадник Апокалипсиса, то это оно.

Я пячусь, отступаю от запертых ворот и свода с колоннами. Выхожу обратно на слепящее солнце.

Цокот за спиной затихает, на моих руках каждый волосок встает дыбом. Резко оборачиваюсь.

Война спрыгивает с коня, и я отшатываюсь назад. Он огромен. Гораздо выше обычного человека, у него тело настоящего воина: широкие плечи, мощные руки, узкая талия и сильные ноги. А на лице выражение, подобающее скорее герою трагедии. Дикая, мужественная красота лишь подчеркивает, насколько он опасен.

Война небрежным жестом достает меч из ножен за спиной. Я перевожу взгляд на массивный клинок, который сияет серебром в солнечных лучах. Сколько смертей принесло это оружие?

Но тут я замечаю еще кое-что. Скользку взглядом по лезвию к удерживающей меч руке. На костяшках пальцев Войны мерцают алым странные символы.

* Камень Основания — скала на Храмовой горе, над которой находилась Святая святых Иерусалимского храма. В иудаизме считается краеугольным камнем мироздания, поскольку именно с нее Господь начал сотворение мира.

Война идет ко мне, его красная кожаная броня мягко шуршит при каждом шаге, золотые украшения в волосах блестят на солнце. И сейчас он больше похож не на несущего смерть посланца небес, а на языческого бога войны.

Схватив лук, целюсь в него.

— Стой, где стоишь, — предупреждаю его.

Но Всадник не обращает внимания на меня.

Господи, помоги мне!

И я спускаю тетиву.

Стрела вонзается Войне в плечо, защищенное кожаным доспехом. Не сводя с меня глаз, он сжимает пальцами древко и выдергивает стрелу. Наконечник покрыт кровью, и я чувствую гордость: моя стрела пробила броню Всадника! Завожу руку за спину, хватаю еще одну стрелу и отпускаю в полет. На этот раз стрела отскакивает от доспеха, не причинив никакого вреда.

Расстояние между нами сокращается.

У меня остается время только на один выстрел, потом придется сменить оружие. Достаю последнюю стрелу, целюсь, стреляю... Слишком высоко!.. Отбрасываю лук и колчан, стрелы рассыпаются по земле. Рука тянется к кинжалу. Рядом с чудовищным мечом Войны он кажется игрушкой. Я смотрю на гигантские мышцы Всадника... Нет, мне его не победить.

Сейчас я умру.

Пальцы крепче обхватывают рукоять кинжала. Я должна хотя бы попытаться оказать сопротивление.

Начинаю двигаться, стараясь держаться к солнцу спиной. Война сокращает расстояние между нами, даже не пытаюсь выбрать тактику. Ему не нужны какие-нибудь преимущества, чтобы уничтожить меня. И даже если слепящее солнце раздражает Всадника, он этого не показывает. Я вдруг понимаю: наше столкновение даже схваткой не назовешь. Он уничтожит меня, как лев — надоедливую мышь.

Война поднимает меч, клинок сияет на солнце. Он обрушивает на меня сокрушительный удар, огромный меч выбивает кинжал из моей руки. От неожиданности я вскрикиваю, удар так силен, что мои руки немеют. Ноги подкашиваются, я падаю на колени.

Тянусь за вторым кинжалом, достаю его из ножен. Всадник делает еще шаг, и я выбрасываю руку вперед и вонзаю клинок ему в икру. Из раны струйкой течет кровь, и я замираю, глядя на нее. Невероятно, но я его ранила!

Война смотрит на свою ногу, затем на меня, и смеется низким, глубоким голосом, от которого по телу пробегают мурашки. Он просто ужасен. Крепко сжимая кинжал, отползаю, стараясь убраться подальше. Всадник неторопливо идет за мной, забавляясь происходящим. Наконец, мне удается встать.

«Беги», — звучит в голове голос матери, но сама мысль о том, чтобы повернуться к спиной к Всаднику, парализует. Когда смерть настигнет меня, я бы хотела смотреть ей в глаза.

Война снова делает шаг и поднимает меч, а я выставляю вперед свой кинжал. Теперь я знаю, чего

ждать, но сила удара все равно поражает. Вскрикиваю и вновь выпускаю оружие из рук. Кинжал со звоном отлетает и падает на землю в метре от меня. Я отшатываюсь. Наступаю на одну из стрел, которыми усыпана земля, и, пошатнувшись, падаю на задницу.

Всадник приближается, солнце озаряет его оливковую кожу, полыхает в глазах. Война смотрит на меня сверху вниз, наши взгляды встречаются. Несмотря на жуткий страх, я дерзко поднимаю голову.

Всадник вновь поднимает меч. Но не убивает меня. Он долго всматривается в мое лицо. Очень долго. Почему он медлит? Взгляд Всадника опускается ниже, к ямочке между ключицами, и меч в его руке вздрагивает.

Что он делает?

Тянется к моей шее, нащупывает жуткий шрам. Взгляд Войны вновь прикован ко мне. Но теперь я замечаю в нем нечто новое, и это пугает еще сильнее.

— *Netet wā neterwej.*

Ты послана мне Им.

Я вздрагиваю от его голоса. Слова Всадника звучат не на иврите, не на арабском или английском. Он не говорит ни на одном из известных мне языков... и все же я понимаю его.

— *Netet tayj ħemet.*

Ты моя жена.